

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дина Қызырбек

Научный сотрудник Института философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан,
e-mail: dinakyzymbek@gmail.com ORCID ID: 0009-0002-
8435-7789

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.007>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу политических рисков, связанных с транзитами власти или их отсутствием в странах Центральной Азии. Теоретическую основу составляет типология, выделяющая три типа политической культуры: адаптивно-патерналистская, рефлексивно-скептическая, культура сетевой самоорганизации и соответствующие им риски: институциональная неопределённость, разрыв ожиданий, социальная мобилизация. Особое внимание уделено латентным формам риска. На материале пяти стран показано, что различные модели транзита: управляемый, элитный консенсус, революционный, закрытый, а также отсутствие транзита порождают разные конфигурации рисков. Предложенная типология позволяет объяснить различия в конфигурациях рисков через доминирующий тип политической культуры.

Ключевые слова: Центральная Азия, транзит власти, политические риски, институциональная неопределённость, разрыв ожиданий, социальная мобилизация, латентные риски, сравнительный анализ.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНДЕГІ БІЛІК ТРАНЗИТІНІҢ САЯСИ ТӘУЕКЕЛДЕРІ

Дина Қызырбек

ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының
ғылыми қызметкері

Аңдатпа. Мақала Орталық Азия елдеріндегі билік транзитіне немесе оның болмауына байланысты саяси тәуекелдерге салыстырмалы талдау жасауға арналған. Теориялық негізді саяси мәдениеттің үш түрін: бейімделгіш-патерналистік, рефлексивті-скептикалық, желілік өзін-өзі ұйымдастыру мәдениетін және оларға сәйкес келетін тәуекелдерді: институционалдық белгісіздік, үміттердің алшақтығы, әлеуметтік жұмылдыруды ажырататын

типология құрайды. Тәуекелдің жасырын нысандарына ерекше назар аударылған. Бес елдің материалдары негізінде транзиттің әртүрлі үлгілері: басқарылатын, элиталық консенсус, революциялық, жабық, сондай-ақ транзиттің болмауы тәуекелдердің әркелкі конфигурациясын туғызатыны көрсетілген. Ұсынылып отырған типология тәуекелдер конфигурациясындағы айырмашылықтарды саяси мәдениеттің басым түрі арқылы түсіндіруге мүмкіндік береді.

***Түйін сөздер:** Орталық Азия, саяси тәуекел, билік транзиті, институционалдық белгісіздік, үміттердің алысқтығы, әлеуметтік жұмылдыру, жасырын тәуекелдер, салыстырмалы талдау.*

POLITICAL RISKS OF POWER TRANSIT IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Dina Kyzyrbek

Research Fellow, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies
CS MES RK.

Abstract. The article presents a comparative analysis of political risks associated with power transitions or their absence in Central Asian countries. The theoretical framework is a typology that distinguishes three types of political culture: adaptive-paternalistic, reflexive-skeptical, and network self-organization, along with their corresponding risks: institutional uncertainty, expectation gap, and social mobilization. Particular attention is paid to latent forms of risk. Drawing on evidence from five countries, the study demonstrates that different transition models: managed transition, elite consensus, revolutionary transition, closed transition, as well as the absence of transition generate distinct configurations of risks. The proposed typology helps explain these differences in risk configurations through the dominant type of political culture.

Keywords: *Central Asia, transition of power, political risks, institutional uncertainty, gap in expectations, social mobilization, latent risks, comparative analysis.*

Введение

Центральная Азия переживает период фундаментальной трансформации, а её стратегическое положение и ресурсы делают регион объектом растущего интереса глобальных держав [1]. Способность управлять внутренними политическими рисками выступает критическим фактором устойчивости. А. Акаев в Кыргызстане, С. Ниязов в Туркменистане, а также Н. Назарбаев в Казахстане и И. Каримов в Узбекистане пришли к власти ещё в советский период, занимая высшие государственные должности в республиках. Э. Рахмон, в отличие от них, выдвинулся уже в постсоветский период (в 1992 г. стал председателем Верховного совета, а затем — президентом). Это наследие во многом предопределило формирование персоналистских режимов, патрональных сетей и гибридных институтов, которые стали основой для постсоветских транзитов.

Стандартные подходы к анализу политического риска, разработанные для стран с устоявшимися демократическими институтами [2;3], имеют ограниченную применимость в гибридных и авторитарных режимах постсоветского пространства. Они фокусируются на формальных параметрах, не учитывая ни специфики неформальных практик [4;5], ни латентных форм социального недовольства [6]. Кроме того, отсутствует системный сравнительный анализ того, как ключевые политические события — прежде всего транзиты власти — трансформируют конфигурацию рисков в разных странах региона. Существующие исследования фрагментарны: они либо рассматривают транзиты изолированно (например, только Казахстан или только Кыргызстан), либо анализируют риски без привязки к типу политической культуры. Настоящая статья стремится восполнить пробел, предлагая единую типологию, позволяющую сравнивать разнородные кейсы — от управляемого транзита до его отсутствия — в рамках одного концептуального аппарата.

Под политическим риском в данном исследовании понимается вероятность дестабилизации политической системы из-за дисбаланса между ожиданиями общества и способностью властей их удовлетворять. Этот дисбаланс реализуется в трёх формах: институциональная неопределённость (непредсказуемость правил), разрыв ожиданий (падение доверия) и социальная мобилизация — как открытые протесты, так и их латентные формы (миграция, теневая экономика, апатия).

Конфигурация политических рисков — это специфическое сочетание доминирующих типов риска, их латентных и открытых форм, а также механизмов реализации и управления, характерное для каждой модели транзита власти. Аналитическими признаками конфигурации выступают: (а) доминирующий тип риска, (б) степень его латентности / открытости, (в) механизмы реагирования власти и (г) последствия для устойчивости системы.

Обзор литературы

От классических подходов к реалиям Центральной Азии

Понятие политического риска прошло длительную исследовательскую эволюцию. Первоначально разработанное в экономической науке для оценки надежности инвестиций в различных странах, оно постепенно приобрело междисциплинарный характер. Классическое определение, предложенное в работах Хениш, У. Буссе, М. и Хефекер, К. [2;3], связывает данную дефиницию с институциональной слабостью и непредсказуемостью политического курса. Чем менее стабильны «правила игры» и большая вероятность их произвольного изменения, тем выше уровень стохастичности системы (турбулентности процессов) и роста вызовов для экономических и политических акторов.

Однако в конце XX века под влиянием теорий модернизации произошёл концептуальный сдвиг. Немецкий социолог Ульрих Бек [7] определял общество риска как «систематический способ обращения с опасностями и неопределённостями, порождёнными модернизацией» (Бек, 2005, с. 28). Индустриальное и постиндустриальное развитие порождает новые, зачастую глобальные проблемы (экологические, технологические, социальные), которые не могут быть локализованы в рамках национальных государств. Э. Гидденс [8] развил эту идею, введя понятие «рефлексивной модерности»: в современных обществах индивиды и институты вынуждены постоянно рефлексиро-

вать по поводу различных опасностей, которые вынуждают пересматривать свои действия и ожидания. Это создаёт принципиально новую ситуацию, где риск разрыва ожиданий становится одной из ключевых характеристик политической динамики: население сравнивает декларируемые цели и реальные результаты, и это сравнение само становится источником нестабильности.

При всём богатстве научных подходов к данной теме, их прямое применение относительно к Центральной Азии сталкивается с ограничениями.

Стандартные модели, как правило, фокусируются на формальных институтах и не учитывают трёх важнейших особенностей региона: (а) доминирование неформальных практик, которые могут как компенсировать слабость формальных институтов, так и усиливать непредсказуемость; (б) специфику гибридных и авторитарных режимов, где открытые протесты подавляются, а недовольство принимает латентные формы; (в) культурную укоренённость многих практик, которые с точки зрения права расцениваются как коррупционная составляющая, но в понимании различных сообществ могут считаться формой взаимной поддержки и помощи.

Это требует дополнения к классическому инструментарию и основой для такого дополнения служит неоинституциональный подход, прежде всего в версии Д. Норта [9]. Он определяет институты в форме «правил игры» в обществе — созданные человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие.

Критически важным является его различие формальных правил (включающих политические и юридические нормы, экономические правила и контракты) и неформальных ограничений (обычаи, традиции, кодексы поведения). Формальные и неформальные ограничения отличаются друг от друга только по степени проявления, образуя континуум от табу, обычаев и традиций на одном конце до писанных конституций — на другом.

Согласно его представлениям «неформальные ограничения... возникают из информации, передаваемой в рамках социального взаимодействия, и во многих культурах именно они являются основой институциональной структуры» (Норт, 1997, с. 47).

Для постсоветского пространства это различие имеет ключевое значение. Исследования А. Леденёвой [4] детально описывают систему неформальных практик, обозначаемую ею как *sistema*. *Blat* (использование связей для получения благ), «телефонное право», «круговая порука» — эти механизмы не просто дополняют формальные институты, а часто замещают их, создавая параллельную реальность, в которой решения принимаются на основе личной лояльности, а не закона. К. Коллинз (2009) на примере кланов в Центральной Азии показала, что «патронажные сети не являются пережитком, а составляют основной канал распределения ресурсов».

Важно подчеркнуть, что неформальность не следует рассматривать исключительно как «провал» государства или «пережиток» прошлого. Как убедительно демонстрирует А. Полезе [5], в постсоветских обществах неформальные практики часто выступают как «искусство обхода государства» (*the art of bypassing the state*) — способ адаптации населения к неэффективности или избыточному давлению формальных институтов. Это не всегда сопротивление, это способ выживания и решения повседневных проблем. Такая перспектива позволяет уйти от морализаторства и рассматривать неформальность как объективную данность, которую необходимо анализировать.

Синтезируя рассмотренные теоретические подходы, типологию, связывающую доминирующие типы политической культуры (понимаемой как устойчивые паттерны ориентаций и поведения) с характерными для них типами политических рисков. Эта типология носит аналитический характер: в реальности разные типы могут сосуществовать и переплетаться, но один, как правило, доминирует.

Таблица 1. Типология политической культуры и соответствующих типов риска

Тип политической культуры	Теоретическая опора	Доминирующий тип риска	Краткая характеристика
Адаптивно-патерналистская	Норт (неформальные институты), Коллинз (клановость), Леденёва (sistema)	Институциональная неопределённость	Правила игры ситуативны, зависят от воли патрона или баланса кланов. Для «своих» (инсайдеров) риск минимизирован через личную лояльность, для «чужих» (аутсайдеров) — максимален и непредсказуем. Формальные институты существуют, но реальное значение имеют неформальные договорённости.
Рефлексивно-скептическая	Бек (общество риска), Гидденс (рефлексивность)	Разрыв ожиданий	Возникает по мере модернизации, урбанизации, роста образования и доступа к информации. Население и элиты начинают рефлексировать по поводу действий власти, сравнивать обещания и реальность. Возникает устойчивое недоверие к институтам, ощущение, что «так жить нельзя», даже если формальных протестов нет. Это риск, внутренне присущий
Культура сетевой самоорганизации	Полезе (обход государства), Дж. Скотт	Социальная мобилизация и латентные риски	Горизонтальные связи (родственные, земляческие, профессиональные, цифровые) становятся основным способом решения проблем в обход или вместо государства. Работы Дж. Скотта об «оружии слабых» и «скрытых текстах» (hidden transcripts) позволяют понять, что недовольство в таких обществах накапливается в латентной форме — в виде сплетен, апатии, уклонения, миграции, теневой экономики. При определенных условиях (экономический кризис, внешний шок) этот «скрытый текст» может стать публичным и вылиться в открытую социальную мобилизацию.

Payitaht Abdülhamid (Великолепный Абдулхамид)	Противостояние Западу, защита исламского мира	Борьба с британ- скими и фран- цузскими аген- тами; защита Пале- стины	Турция как защитник мусульман, критика западного давления, ан- тиколонизальный дискурс
--	---	---	--

Составлено автором на основе анализа кейсов.

Ключевым дополнением к этой типологии является концепция латентных рисков. Опираясь на Дж.Скотта и А.Полезе [6;5], мы предполагаем, что отсутствие открытых протестов не является свидетельством политической стабильности. В авторитарных и гибридных режимах недовольство принимает скрытые формы: массовая трудовая миграция (уход от проблем, а не поиск их решения), уход в теневую экономику, социальная апатия и абсентеизм, падение доверия к любым социальным и политическим институтам (фиксируемое социологическими опросами). Эти латентные риски не менее важны, чем открытые конфликты, поскольку они подрывают долгосрочную способность системы к воспроизводству и делают её уязвимой к внезапным потрясениям.

Методология

Для систематического сравнения пяти стран Центральной Азии в работе применяется метод структурированного сравнительного описания (structured, focused comparison). Данный подход, разработанный американским политологом А.Джорджем, предназначен для качественного анализа ограниченного числа случаев и предполагает постановку единого набора стандартизированных вопросов к каждому из них, что позволяет получить сопоставимые данные и сделать обоснованные обобщения [11]. Анализ каждого странового кейса осуществляется с помощью единой исследовательской матрицы. Ее ключевыми элементами являются: источник (какое событие спровоцировало реализацию риска), субъекты (кто оказался в зоне поражения), механизм (как именно проявился риск), стратегии управления (какие меры предприняла власть) и последствия для политической системы.

Отбор пяти кейсов (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан) произведен по принципу максимального разнообразия моделей транзита власти, представленных в регионе. Сравнение проводится по следующим параметрам: характер транзита, доминирующий тип политического риска, индикаторы его проявления и стратегии реагирования власти.

Эмпирическую базу составили академические публикации, доклады международных организаций (International Crisis Group, IOM), данные социологических опросов и медиа-отчёты. Ограничения связаны с неравномерной доступностью данных по Туркменистану и Таджикистану, а также с качественным характером анализа, не предполагающим количественного измерения рисков.

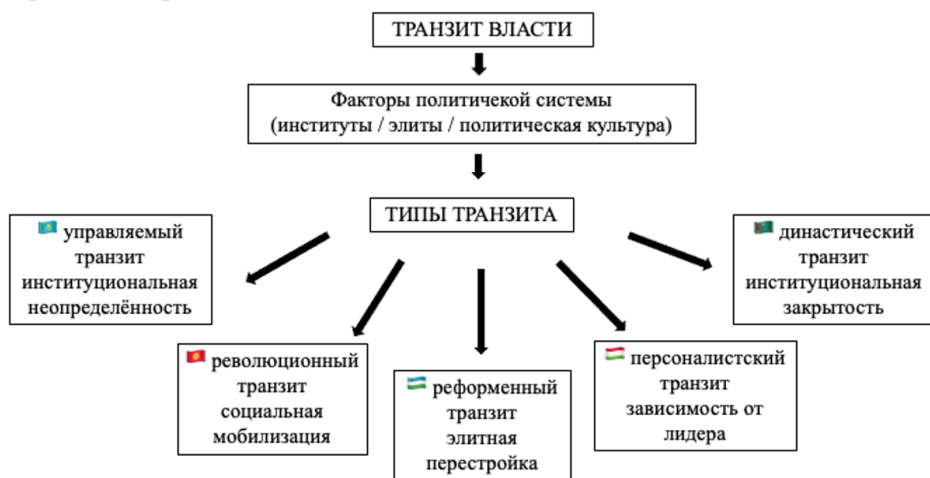
Страновые кейсы

Для систематизации результатов сравнительного анализа предлагается концептуальная модель взаимосвязи типов транзита власти и конфигу-

раций политических рисков (рис. 1). Регион демонстрирует широкий спектр моделей транзита: от управляемого в Казахстане (2019 г.) и элитного консенсуса в Узбекистане (2016 г.) до революционного в Кыргызстане (2010 г.) и закрытого (династического) в Туркменистане (2006 г.). Таджикистан, где смена верховной власти отсутствует с 1994 года, согласно концепции, ведёт к накоплению латентных рисков, проявившихся, в частности, в приграничных конфликтах 2021–2022 гг. В Казахстане после управляемого транзита последовал посттранзитный кризис января 2022 г., ставший реализацией риска социальной мобилизации.

Следует учитывать, что политическая история стран Центральной Азии включает несколько транзитов. В Кыргызстане власть менялась в 2005, 2010 и 2020 годах; в Таджикистане смена руководства происходила в 1991 и 1992 годах, затем последовала гражданская война (1992–1997), а с ноября 1994 года установлено президентское правление; в Туркменистане транзиты имели место в 2006 и 2022 годах. В каждом из указанных периодов имелись специфические причины и формы транзита власти. Настоящий анализ фокусируется на наиболее репрезентативных для сравнительного исследования транзитах (2010 г. в Кыргызстане, 2006 г. в Туркменистане, 2019 г. в Казахстане, 2016 г. в Узбекистане, а также на отсутствии транзита в Таджикистане), что позволяет провести корректное сравнение в рамках единой типологии.

Рисунок 1. Типы транзита власти и конфигурации политических рисков в странах Центральной Азии

Источник: составлено автором

Современный *Казахстан* характеризуется сочетанием адаптивно-патерналистских и рефлексивно-скептических черт. Длительное правление Н. Назарбаева сформировало устойчивые патронажные сети и неформальные механизмы принятия решений [10; 17]. Однако либерализация экономических отношений, а также урбанизация, рост образованного слоя и развитие цифровых коммуникаций способствовали распространению

рефлексивно-скептической культуры, особенно среди молодёжи и жителей крупных городов [18].

19 марта 2019 года Н. Назарбаев объявил о досрочном сложении полномочий, и пост президента занял К.-Ж. Токаев [19]. Это был первый в истории независимого Казахстана транзит верховной власти, прошедший формально конституционно и без открытых конфликтов. Однако первый президент сохранил за собой пожизненное руководство Советом безопасности и статус «Елбасы», что создало конфигурацию «двоевластия» между Акордой (резиденцией действующего президента) и администрацией первого президента (в публичном дискурсе часто обозначаемой как «Библиотека») [16].

Доминирующим риском в этот период стал риск разрыва ожиданий. Население, особенно активная его часть, ожидало от нового президента реальных политических реформ, смены стиля управления и борьбы с коррупцией. Однако первые два года президентства К.-Ж. Токаева были отмечены осторожной политикой, сохранением влияния старой элиты и отсутствием системных изменений [20]. Социологические опросы фиксировали снижение доверия к государственным институтам и нарастание социальной напряжённости [21].

Кульминацией накопленных рисков стали события января 2022 года. Протесты, начавшиеся в Жанаозене из-за повышения цен на сжиженный газ, быстро распространились на другие регионы и приобрели политический характер. Важно подчеркнуть, что эти протесты были не столько первопричиной, сколько триггером глубинного конфликта, вызванного борьбой элит и накопившимся социальным недовольством. Форма социальной мобилизации в Казахстане носила преимущественно стихийный характер и отличалась от классических примеров сетевой самоорганизации (таких, как движение «жёлтых жилетов» во Франции или «Революция поколения Z» в Непале). Власти ввели чрезвычайное положение и обратились за помощью к ОДКБ [22]. Это был момент реализации риска социальной мобилизации, когда латентное недовольство перешло в открытые протесты [23].

Стратегии управления риском на первом этапе (2019–2021) характеризовались инерционностью и стремлением сохранить статус-кво. После кризиса 2022 года власти перешли к активным действиям: проведены две конституционные реформы (июнь 2022 г.), перераспределение полномочий, ротация элит и заявленный курс на «Новый Казахстан» [24]. (Последующие изменения законодательства в 2024 г. не носили конституционного характера; вторая конституционная реформа состоялась на референдуме 15 марта 2026 года, который привёл к принятию обновлённого на 84% текста Основного закона, однако данный этап выходит за хронологические рамки настоящего анализа.)

С точки зрения предложенной типологии, казахстанский кейс демонстрирует трансформацию доминирующего риска: адаптивно-патерналистская культура, заданная эпохой Назарбаева, при управляемом транзите столкнулась с рефлексивно-скептическими ожиданиями общества, что и привело к реализации риска социальной мобилизации в январе 2022 г. Последующие реформы — попытка институционально закрепить новый баланс.

Как отмечает американская исследовательница Кэтлин Коллинз, *Узбекистан* долгое время определялся жёстким авторитарным правлением

И. Каримова, опиравшимся на силовые структуры и региональные кланы [10]. Неформальные практики, включая клановую лояльность и теневые экономические связи, играли ключевую роль в функционировании системы [27].

Централизация власти в Узбекистане в 1990–2000-х годах была во многом обусловлена внешними и внутренними вызовами: гражданская война в Таджикистане (1992–1997), конфликт в Афганистане, обострение внутривнутриполитической борьбы за власть, рост религиозного экстремизма, усиление влияния радикальной оппозиции, террористические акты в Ташкенте (1999), события в Баку (1999–2000 гг.), а также Андижанские события (2005 г.). Эти факторы привели к ужесточению вертикали власти и формированию закрытой политической системы, минимизировавшей публичные риски за счёт подавления любых форм оппозиционной активности.

Смерть И. Каримова 2 сентября 2016 года создала ситуацию неопределённости. Власть была передана Ш. Мирзиёеву, который на тот момент занимал пост премьер-министра. Процесс транзита был организован элитами в короткие сроки, без публичной борьбы, что позволяет характеризовать его как «элитный консенсус» [28]. Внеочередные президентские выборы 4 декабря 2016 года формально подтвердили легитимность нового лидера [29].

Доминирующим риском на этапе транзита стал *риск институциональной неопределённости*, связанный с непредсказуемостью поведения новой власти по отношению к бизнесу и элитам [2]. Однако Мирзиёев достаточно быстро продемонстрировал намерение проводить реформы: либерализация валютного рынка, открытость для иностранных инвесторов, смягчение визового режима, реабилитация некоторых политзаключённых [30]. Это породило мощный *риск разрыва ожиданий*: общество и внешние партнёры ждали быстрых перемен, тогда как инерция старой системы сохранялась [7;8].

Стратегии управления рисками в Узбекистане можно охарактеризовать как «контролируемую либерализацию». Власть пошла на открытость в экономике и внешней политике, но сохранила авторитарный каркас и жёсткий контроль над политической сферой [31]. Неформальные практики, такие как клановые договорённости и патронаж, продолжают играть важную роль в распределении ресурсов [32].

С точки зрения предложенной типологии, узбекский кейс демонстрирует специфику реформенного транзита: доминирующий риск институциональной неопределённости был снижен за счёт быстрых сигналов о реформах, однако риск разрыва ожиданий сохраняется из-за инерции неформальных клановых практик и ограниченности политической либерализации. Таким образом, «элитный консенсус» позволил избежать острой дестабилизации, но не устранил латентные риски, связанные с неполнотой институциональной трансформации.

Кыргызстан отличается высокой степенью сетевой самоорганизации и слабостью формальных институтов [5]. Клановые, региональные и семейно-родственные связи исторически определяют политическую динамику [10]. Кыргызстан выделяется в регионе высокой частотой смены власти: после обретения независимости здесь произошли революции 2005, 2010 и 2020 годов. Каждый из этих эпизодов имел свою специфику. Свержение А. Акаева (2005)

происходило в волну «цветных революций» на постсоветском пространстве. Смещение К. Бакиева (2010) было обусловлено не только внутренними причинами, но и внешним фактором – спором вокруг американской авиабазы «Манас», где российский фактор сыграл немаловажную роль. Приход С. Жапарова (2020) произошёл на фоне острого политического и социального кризиса, усиленного карантинными ограничениями прежнего правительства.

Для целей настоящего сравнительного анализа автор фокусируется на событиях 2010 года, поскольку этот транзит наиболее репрезентативен для оценки долгосрочных последствий революционной модели смены власти, характерной для Кыргызстана, и позволяет провести корректное сравнение с единичными транзитами в других странах региона. При этом специфика других транзитов (2005 и 2020 гг.) не рассматривается детально, но учитывается как контекст.

7 апреля 2010 года в результате массовых протестов был свергнут президент К. Бакиев. Непосредственной причиной послужило резкое повышение тарифов на электроэнергию и недовольство коррупцией, но глубинные факторы включали концентрацию власти, маргинализацию оппозиции и экономический кризис 2007–2008 годов [33; 34]. Власть перешла к временному правительству во главе с Р. Отунбаевой.

Доминирующим риском в этом кейсе стала социальная мобилизация, принявшая форму революции. Сетевая культура позволила быстро координировать протестные действия, а слабость силовых структур не позволила удерживать режим. После свержения Бакиева страна столкнулась с новыми рисками: межэтнические столкновения на юге (июнь 2010), вакуум власти, экономический спад [35].

Стратегии управления рисками со стороны временного правительства включали принятие новой конституции (июнь 2010), переход к парламентской форме правления и проведение досрочных выборов [36]. Эти меры были направлены на институционализацию политического процесса и предотвращение повторения авторитарного сценария. Однако неформальные практики (подкуп, клановые договорённости) сохранились, что привело к циклическому воспроизводству нестабильности (последующие кризисы 2020 года).

Туркменистан представляет собой крайний вариант адаптивно-патерналистской модели с элементами культа личности и тотальной закрытостью [38]. При С. Ниязове (1991–2006) были демонтированы все формальные институты, способные ограничить власть президента; реальное управление осуществлялось через узкий круг приближённых и силовые структуры [4].

Жёсткая централизация власти в Туркменистане в 1990-е годы имела также экономические причины: низкая диверсификация экономики страны, отказ российского «Газпрома» под управлением Р. Вяхирева от закупок туркменского газа, ежегодное падение ВВП (до 15%) и введение чрезвычайных мер правительством С. Ниязова. Эти факторы способствовали консервации авторитарной модели управления как средства выживания в условиях внешнего давления и внутреннего кризиса.

21 декабря 2006 года было объявлено о смерти С. Ниязова. Информация о его кончине скрывалась несколько часов; в столицу были стянуты войска,

усилена охрана тюрем, где содержались оппозиционеры [39]. Власть перешла к Г. Бердымухамедову, занимавшему пост министра здравоохранения, что было представлено как воля народа на внеочередных выборах (февраль 2007). Этот транзит можно охарактеризовать как «закрытый»: он был осуществлён узкой элитной группой без какого-либо участия общества и при полном контроле информации [38].

Доминирующим риском для внешних акторов стала институциональная неопределённость [2]: полная непрозрачность правил игры, невозможность прогнозировать решения власти, отсутствие защиты контрактов. Внутри страны риск был подавлен тотальным контролем, но приобрёл латентные формы.

Стратегии управления рисками со стороны нового руководства свелись к сохранению закрытости и усилению репрессивного аппарата. Экономические проблемы, включая падение цен на газ и девальвацию маната в 2014–2015 годах, не становились предметом открытого обсуждения или системных реформ. В условиях отсутствия легальных каналов выражения недовольства население реагировало характерными для авторитарных режимов латентными формами: социальной апатией, уходом в теневую экономику и нелегальной миграцией. Эти практики стали для граждан основным способом адаптации к нарастающим рискам.

Политическая культура *Таджикистана* сформировалась в условиях постконфликтного авторитаризма. После гражданской войны 1992–1997 годов власть консолидировалась вокруг Э. Рахмона, опирающегося на клан из Куляба и силовые структуры [40]. Как отмечает К. Коллинз, неформальные практики патронажа и клановой лояльности являются основой политической системы [10]. Формальные институты слабы и подчинены интересам правящей группы.

Накопление рисков в Таджикистане связано не только с отсутствием транзита, но и с рядом внутренних факторов. Среди них: высокая зависимость бюджета от денежных переводов мигрантов (до 30–40% ВВП), слабость государственных институтов на местах, нерешённые пограничные споры с соседями, а также отсутствие легальных механизмов мирной передачи власти. Эти обстоятельства усиливают институциональную неопределённость и делают систему уязвимой даже при отсутствии открытых протестов.

В отличие от других стран региона, в Таджикистане не было транзита верховной власти с 1994 года. Конституционные изменения (2003, 2016) позволили Э. Рахмону оставаться у власти неограниченное время, создав предпосылки для семейного наследования [40]. Отсутствие смены власти само по себе стало источником накопления рисков, которые долгое время остаются латентными.

Доминирующим риском в Таджикистане является институциональная неопределённость, усиленная слабостью государства на местах. Аналитики International Crisis Group ещё за несколько лет до событий 2021–2022 годов предупреждали, что растущая хрупкость государства, подрываемого коррупцией, экономическими трудностями и репрессивной политикой, создаёт угрозу стабильности всего региона [41].

Ярким проявлением этих накопленных рисков стали приграничные конфликты с Кыргызстаном в апреле 2021 и сентябре 2022 годов. В ходе вооружённых столкновений погибли десятки человек с обеих сторон, была повреждена инфраструктура. Эти события обнажили неспособность центра управлять периферией, слабость армии и милитаризацию риторики как способ компенсировать внутреннюю нелегитимность.

С точки зрения предложенной типологии, Таджикистан представляет собой случай «законсервированного» режима, где отсутствие транзита не гарантирует стабильности, а напротив, ведёт к накоплению латентных рисков. Приграничные конфликты демонстрируют, что эти риски могут реализоваться в неожиданных формах, не связанных напрямую с транзитом власти.

Стратегии управления рисками со стороны властей включают: опору на силовые структуры, периодические репрессии против реальной и мнимой оппозиции, использование внешней угрозы для консолидации населения [40]. Экономическая политика направлена на получение внешней помощи (от России, Китая, международных организаций) и поддержание статус-кво за счёт денежных переводов мигрантов [42].

Сравнительный анализ

Для обеспечения прозрачности анализа в Таблице 2 представлена операционализация ключевых понятий: для каждой страны указаны доминирующие типы риска, конкретные индикаторы их проявления и используемые источники данных. Это позволяет проследить, как теоретическая типология была применена к эмпирическому материалу.

Таблица 2. Операционализация политических рисков в страновых кейсах

Страна/ тип транзита	Доминирующий тип риска	Индикаторы/ прокси-показатели	Источники данных
Казахстан/ управляемый	Разрыв ожиданий → социальная мобилизация (институциональная неопределённость)	Падение доверия к институтам (опросы), протестная активность, данные о митингах (2022)	Соцопросы [21], экспертные оценки [18], новостные сводки [22]
Узбекистан/ реформенный	Институциональная неопределённость + риск ожиданий (элитная перестройка)	Противоречия между реформами и практикой, сохранение неформальных клановых механизмов	Экспертные доклады [30], анализ законодательства, отчёты по правам человека
Кыргызстан/ революционный	Социальная мобилизация	Циклическая смена власти, межэтнические столкновения, слабость институтов	Академические исследования [33; 34], доклады Crisis Group [35]
Туркменистан/ династический	Институциональная неопределённость (латентная), институциональная закрытость	Закрытость информации, отсутствие реформ, нелегальная миграция, теневая экономика	Медиа-отчёты [39], экспертные оценки [38], данные международных организаций

Таджикистан/ персоналистский	Институциональная неопределённость (за- висимость от лидера)	Приграничные конфлик- ты, зависимость от ми- грации, слабость армии	Доклады Crisis Group [41], данные МОМ по миграции [42], экспертные оценки [40]
---	--	---	--

Составлено автором на основе анализа кейсов и теоретической модели.

Применение единой сравнительной матрицы ко всем пяти кейсам позволяет увидеть, как в каждой стране конфигурация рисков определяется моделью транзита. В Казахстане источник риска – управляемый транзит с двоевластием, механизм – разрыв ожиданий, перешедший в социальную мобилизацию, стратегия – инерция, затем конституционные реформы. В Узбекистане (элитный консенсус) доминирующий риск – институциональная неопределённость, сниженная быстрыми сигналами о реформах, но сохраняется риск разрыва ожиданий. В Кыргызстане (революционный транзит) риск социальной мобилизации реализуется мгновенно, но институциональная неопределённость остаётся постоянным фоном. В Туркменистане (закрытый транзит) институциональная неопределённость подавлена тотальным контролем, но перешла в латентные формы. В Таджикистане (отсутствие транзита) накопление латентных рисков привело к неожиданной реализации в виде приграничных конфликтов.

Сравнение кейсов показывает не только различия, но и общий паттерн: во всех странах, кроме Кыргызстана, элиты стремятся контролировать транзит, чтобы минимизировать риски для себя. Однако цена этого контроля — перенос рисков в латентную плоскость (миграция, теневая экономика, апатия), которая в долгосрочной перспективе делает систему более хрупкой. Революционный транзит в Кыргызстане, напротив, мгновенно реализует риск социальной мобилизации, но оставляет институциональную неопределённость как постоянный фон.

Проведённый сравнительный анализ позволяет выделить типологию политических транзитов в странах Центральной Азии, основанную на характере взаимодействия политических институтов, элит и общества. Предложенная типология включает пять моделей транзита: управляемую, революционную, реформенную, персоналистскую и династическую. Каждая из этих моделей формирует специфическую конфигурацию политических рисков, влияющих на устойчивость политической системы и предсказуемость политического развития. Таким образом, политические риски в странах Центральной Азии обусловлены не только институциональными особенностями, но и характером транзита власти.

Проведённый сравнительный анализ позволяет интерпретировать выявленные закономерности в более широком теоретическом контексте.

Связь типа культуры и конфигурации рисков. Полученные данные свидетельствуют о том, что доминирующий тип политической культуры коррелирует с тем, какой риск становится центральным. В Казахстане развитая рефлексивно-скептическая культура сделала ключевым риск разрыва ожиданий, реализовавшийся в открытой социальной мобилизации января 2022 г. В Узбекистане и Туркменистане адаптивно-патерналистская культура обуславливает доминирование риска институциональной неопределённости, однако

стратегии управления им диаметрально противоположны: Узбекистан выбрал контролируемую открытость, Туркменистан — тотальную закрытость. В Кыргызстане культура сетевой самоорганизации, воспроизводит циклическую социальную мобилизацию как основной способ смены власти. Эти наблюдения согласуются с выводами Норта [9] о роли неформальных институтов и Коллинза [10] о клановой природе политики в регионе.

Значимость латентных форм риска. Все кейсы демонстрируют, что отсутствие открытых протестов (Туркменистан, Таджикистан) или их подавление (Казахстан после января 2022 г.) не означают отсутствия риска. Глубинные процессы — эрозия доверия, уход в теневую экономику, рост миграции — продолжают подрывать долгосрочную устойчивость систем. Это говорит в пользу правомерности расширения понятия политического риска за счёт латентных индикаторов, предложенного в теоретической рамке [5;6].

Разрыв между формальным и реальным. Общей для всех стран региона остаётся высокая роль неформальных отношений (клановых, патронажных, теневых). Этот разрыв, как показано Леденёвой [4] и Нортом [9], сам по себе может выступать генератором неопределённости, делая поведение акторов непредсказуемым для внешних наблюдателей и инвесторов.

Отсутствие транзита как фактор накопления рисков. Кейс Таджикистана контрастно демонстрирует, что консервация режима без смены власти не гарантирует стабильности. Напротив, происходит накопление рисков, которые могут реализоваться в самых неожиданных формах — от приграничных конфликтов до элитного раскола. Это ставит под сомнение устойчивость систем с «законсервированным» транзитом в долгосрочной перспективе [7].

Таким образом, предложенная типология позволяет не только описать различия между странами, но и выявить общие закономерности: регион предстаёт не как однородное пространство, а как совокупность разнородных, но связанных общим институциональным наследием политических систем, каждая из которых по-своему перерабатывает вызовы транзитов и накопленных рисков.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: различные модели транзита власти в Центральной Азии порождают различные конфигурации политических рисков, а отсутствие транзита ведёт к их накоплению. Разработанная типология, увязывающая типы политической культуры (адаптивно-патерналистская, рефлексивно-скептическая, сетевая самоорганизация) с типами рисков (институциональная неопределённость, разрыв ожиданий, социальная мобилизация), показала свою объяснительную силу на материале пяти страновых кейсов.

Теоретическая значимость исследования заключается в интеграции концепций «общества риска» [7], рефлексивной модерности [8], неоинституционализма и теорий неформальных практик для анализа постсоветских транзитных обществ. Введение понятия «латентные политические риски» (массовая миграция, теневая экономика, социальная апатия) расширяет аналитический инструментарий политической рискологии.

Практическая значимость состоит в возможности применения предложенной модели для диагностики политических рисков. Подход позволяет выявлять не только очевидные угрозы, но и «тихие» сигналы — динамику миграции, со-

стояние теневой экономики, уровень доверия к институтам, — которые могут быть более точными индикаторами долгосрочной устойчивости.

Ограничения исследования связаны с авторским выбором кейсов, неравномерной доступностью данных по странам (особенно по Туркменистану и Таджикистану) и качественным характером модели, требующим дальнейшей операционализации.

Перспективы дальнейших исследований включают: расширение сравнительной базы (андижанские события 2005 г., революция 2020 г. в Кыргызстане); разработку количественных индикаторов латентных рисков; сравнение стран Центральной Азии с другими постсоветскими государствами; анализ влияния внешнего фактора на формирование рисков.

Таким образом, политические риски в Центральной Азии представляют собой многомерный феномен, не сводимый к формальным институциональным характеристикам. Понимание его динамики требует учёта культурной специфики, неформальных практик и латентных процессов, что и было продемонстрировано в настоящем исследовании.

Финансирование. *Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, BR27195711 «Социально-политические процессы в Казахстане (1980-2020): опыт демократизации и становление Справедливого государства»*

Список литературы:

1. Kromková, J. and Čech, L. Quo Vadis, Central Asia? A Search for Sovereignty Amid Global Power Shifts // *Studia Politica. Romanian Political Science Review*. – 2025. – Vol. 25, No. 2.
2. Henisz, W.J. Political institutions and policy volatility // *Economics and Politics*. – 2004. – Vol. 16, No. 1. – P. 1–27.
3. Busse, M. and Hefeker, C. Political risk, institutions and foreign direct investment // *European Journal of Political Economy*. – 2007. – Vol. 23, No. 2. – P. 397–415.
4. Ledeneva, A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
5. Polese, A. What is informality? Mapping "the art of bypassing the state" in Eurasian spaces – and beyond // *Eurasian Geography and Economics*. – 2023. – Vol. 62, No. 4. – P. 455–474.
6. Scott, J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. – New Haven : Yale University Press, 1985.
7. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. – Москва : Академический проект, 2005. – 380 с.
8. Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. – Cambridge : Polity Press, 1990.
9. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. – Москва : Начала, 1997. – 180 с.
10. Collins, K. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
11. George, A.L. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison // Alexander L. George: A Pioneer in Political and Social Sciences / ed. by D. Caldwell. – Cham: Springer, 2019. – P. 191–214. – (Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice; vol. 15).
12. George, A.L., Smoke, R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and

- Practice New York: Columbia University Press, 1974. – 666 p.
13. Mahoney, J. Structured, Focused Comparison // *Encyclopedia of Case Study Research*: in 2 vols. / ed. by A.J. Mills, G. Durepos, E. Wiebe. - Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. - Vol. 2. - P. 891-893.
 14. Walt, S.M. *The Origins of Alliances*. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 321 p. – (Cornell Studies in Security Affairs).
 15. Bennett, A. *Condemned to Repetition? The Rise, Fall, and Reprise of Soviet-Russian Military Interventionism, 1973–1996*. - Cambridge, MA: MIT Press, 1999. – 387 p. – (Belfer Center Studies in International Security).
 16. Caron, J-F. (ed.) *Understanding Kazakhstan's 2019 Political Transition*. – Palgrave Macmillan, 2021. – (The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia).
 17. Satpayev, D. and Umbetaliyeva, T. The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: conflicting interests in a rentier state // *Journal of Eurasian Studies*. – 2015. – Vol. 6, No. 2. – P. 123–134.
 18. Tukumov, Y.V. President Tokayev's reforms and diplomacy (from risks to new opportunities and resilience for Kazakhstan) // *World Economy and International Relations*. – 2024. – Vol. 68, No. 5. – P. 91–105.
 19. Назарбаев, Н.А. Обращение Главы государства Нурсултана Назарбаева к народу Казахстана // *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. – 2019. – 19 марта.
 20. Khamitov, Z., Knox, C. and Junusbekova, G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan // *Central Asian Survey*. – 2023. – Vol. 42, No. 2. – P. 345–365.
 21. Petrenko, E., Isakov, N., Metsyk, O. and Khassanova, T. Ecosystem of entrepreneurship: risks related to loss of trust in stability of economic environment in Kazakhstan // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. – 2017. – Vol. 5, No. 1. – P. 102–118.
 22. ОДКБ. Оборонные ведомства обсудили обстановку в Казахстане и действия Коллективных миротворческих сил ОДКБ // *Организация Договора о коллективной безопасности*. – 2022. – 9 января. https://odkb-csto.org/news/news_odkb/oboronnye-vedomstva-obsudili-obstanovku-v-kazakhstan-i-deystviya-kollektivnykh-mirotvorcheskikh-sil/
 23. Scott, J.C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. – New Haven : Yale University Press, 1990.
 24. Токаев, К.К. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана: Новый Казахстан: путь обновления и модернизации, 16 марта 2022 года // *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. – 2022. – 16 марта.
 25. ЕАБР. Investing in the Future: Projects of International Financial Institutions in Eurasia. – Евразийский банк развития, 2025. <https://eabr.org/en/analitics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/>
 26. Fukuyama, F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2014.
 27. Ikhamov, A. Neopatrimonialism, factionalism and patronage in post-Soviet Uzbekistan // *Neopatrimonialism in Africa and Beyond* / ed. by D.C. Bach and M. Gazibo. – London : Routledge, 2013. – P. 186–201.
 28. Vilson, M. Presidential election in Uzbekistan. First after Islam Karimov // *Baltic Worlds : scholarly journal*. – Centre for Baltic and East European Studies, Södertörn University, 2016. – 14 December. <https://balticworlds.com/presidential-election-in-uzbekistan/>
 29. Центральная избирательная комиссия Республики Узбекистан. Оглашены итоги выборов Президента Узбекистана // *Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан*. – 2016. – 9 декабря. <https://president.uz/ru/lists/view/76>
 30. International Crisis Group. Uzbekistan: In Transition Europe and Central Asia Briefing No. 82. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 29 Septem-

ber. – <https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/uzbekistan/b082-uzbekistan-transition>

31. Urinboyev, R. and Doğan, E. Navigating the legal uncertainty and informality in authoritarian regimes: legal culture, governance and business environment in Uzbekistan // *Central Asian Affairs*. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 145–172.
32. Cooley, A. and Sharman, J.C. Blurring the line between licit and illicit: transnational corruption networks in Central Asia and beyond // *Central Asian Survey*. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 11–28.
33. Темишев, К.Б. Просчеты во внешней политике Кыргызстана как факторы Апрельской революции 2010 года // *Вестник КPCY*. – 2019. – Том 19, № 6. – С. 25–29.
34. Gullette, D. Institutionalized instability: Factors Leading to the April 2010 Uprising in Kyrgyzstan // *Academia.edu*. - 2010. – 30 November. - https://www.academia.edu/379904/Institutionalized_instability_Factors_Leading_to_the_April_2010_Uprising_in_Kyrgyzstan
35. International Crisis Group. Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses: Asia Briefing No. 102. – [Bishkek ; Brussels] : International Crisis Group, 2010. – 27 April. – 19 p. - <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/b102-kyrgyzstan-a-hollow-regime-collapses.pdf>
36. Nichol, J. The April 2010 coup in Kyrgyzstan: context and implications for U.S. interests // *Eastern and Central Europe: Politics and Economics*. – New York : Nova Science Publishers, 2012. – P. 89–114.
37. Doolot, A. and Heathershaw, J. State as resource, mediator and performer: understanding the local and global politics of gold mining in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 93–108.
38. Anceschi, L. Reinforcing authoritarianism through media control: the case of post-Soviet Turkmenistan // *After the Czars and Commissars: Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia* / ed. by E. Freedman and R. Shafer. – East Lansing : Michigan State University Press, 2011. – P. 123–145.
39. Волков, В., Сарыев, О. В Туркмении введены строжайшие меры безопасности // *Deutsche Welle*. – 2006. – 21 декабря. <https://www.dw.com/ru/в-туркмении-введены-строжайшие-меры-безопасности/a-2287612>
40. Lemon, E. The Political System of Tajikistan // *Central Asia in a Multipolar World* / ed. by J. Lempp, S. Mayer. – Cham : Springer, 2024. – (Contributions to Political Science).
41. International Crisis Group. Tajikistan: Early Warning – Internal Pressures, External Threats: Europe and Central Asia Briefing No. 78. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 11 January. – 19 p. – <https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/tajikistan/b078-tajikistan-early-warning-internal-pressures-external-threats>
42. МОМ. Доклад о миграции в Таджикистане / Международная организация по миграции. – 2023.

References:

1. Kromková, J. and Čech, L. Quo Vadis, Central Asia? A Search for Sovereignty Amid Global Power Shifts // *Studia Politica. Romanian Political Science Review*. – 2025. – Vol. 25, No. 2.
2. Henisz, W.J. Political institutions and policy volatility // *Economics and Politics*. – 2004. – Vol. 16, No. 1. – P. 1–27.
3. Busse, M. and Hefeker, C. Political risk, institutions and foreign direct investment // *European Journal of Political Economy*. – 2007. – Vol. 23, No. 2. – P. 397–415.
4. Ledeneva, A.V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
5. Polese, A. What is informality? Mapping "the art of bypassing the state" in Eur-

- asian spaces – and beyond // Eurasian Geography and Economics. – 2023. – Vol. 62, No. 4. – P. 455–474.
6. Scott, J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven : Yale University Press, 1985.
 7. Bek, U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a Different Contemporary] / U. Bek ; per. s nem. – Moskva : Akademicheskij proekt, 2005. – 380 s.
 8. Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge : Polity Press, 1990.
 9. Nort, D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki / D. Nort ; per. s angl. – Moskva : Nachala, 1997. – 180 s.
 10. Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
 11. George, A.L. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison // Alexander L. George: A Pioneer in Political and Social Sciences / ed. by D. Caldwell. – Cham: Springer, 2019. – P. 191–214. – (Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice; vol. 15).
 12. George, A.L., Smoke, R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice New York: Columbia University Press, 1974. – 666 p.
 13. Mahoney, J. Structured, Focused Comparison // Encyclopedia of Case Study Research: in 2 vols. / ed. by A.J. Mills, G. Durepos, E. Wiebe. - Thousand Oaks, CA : Sage, 2010. - Vol. 2. - P. 891-893.
 14. Walt, S.M. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 321 p. – (Cornell Studies in Security Affairs).
 15. Bennett, A. Condemned to Repetition? The Rise, Fall, and Reprise of Soviet-Russian Military Interventionism, 1973–1996. - Cambridge, MA : MIT Press, 1999. – 387 p. – (Belfer Center Studies in International Security).
 16. Caron, J-F. (ed.) Understanding Kazakhstan's 2019 Political Transition. – Palgrave Macmillan, 2021. – (The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia).
 17. Satpayev, D. and Umbetaliyeva, T. The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: conflicting interests in a rentier state // Journal of Eurasian Studies. – 2015. – Vol. 6, No. 2. – P. 123–134.
 18. Tukumov, Y.V. President Tokayev's reforms and diplomacy (from risks to new opportunities and resilience for Kazakhstan) // World Economy and International Relations. – 2024. – Vol. 68, No. 5. – P. 91–105.
 19. Nazarbaev, N.A. Obrashhenie Glavy gosudarstva Nursultana Nazarbaeva k narodu Kazakhstana [Address by the Head of State Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan] // Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. – 2019. – 19 marta.
 20. Khamitov, Z., Knox, C. and Junusbekova, G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan // Central Asian Survey. – 2023. – Vol. 42, No. 2. – P. 345–365.
 21. Petrenko, E., Isakov, N., Metsyk, O. and Khassanova, T. Ecosystem of entrepreneurship: risks related to loss of trust in stability of economic environment in Kazakhstan // Entrepreneurship and Sustainability Issues. – 2017. – Vol. 5, No. 1. – P. 102–118.
 22. ODKB. Oboronnye ведомstva obsudili obstanovku v Kazahstane i dejstviya Kollektivnyh mirotvorcheskih sil ODKB [Defense ministries discussed the situation in Kazakhstan and the actions of the CSTO Collective Peacekeeping Forces] // Organizacija Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti. – 2022. – 9 janvarja. https://odkb-csto.org/news/news_odkb/oboronnye-vedomstva-obsudili-obstanovku-v-kazahstane-i-deystviya-kollektivnykh-mirotvorcheskikh-sil/
 23. Scott, J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. – New Haven : Yale University Press, 1990.
 24. Tokaev, K.K. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana: Novyj Kazahstan: put' obnovenija i modernizacii [Address by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan: New Kazakhstan: the path of renewal and modernization], 16 marta 2022 goda //

- Official'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. – 2022. – 16 marta.
25. EABR. Investing in the Future: Projects of International Financial Institutions in Eurasia. – Evrazijskij bank razvitija, 2025. <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/>
 26. Fukuyama, F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2014.
 27. Ikhamov, A. Neopatrimonialism, factionalism and patronage in post-Soviet Uzbekistan // Neopatrimonialism in Africa and Beyond / ed. by D.C. Bach and M. Gazibo. – London : Routledge, 2013. – P. 186–201.
 28. Vilson, M. Presidential election in Uzbekistan. First after Islam Karimov // Baltic Worlds : scholarly journal. – Centre for Baltic and East European Studies, Södertörn University, 2016. – 14 December. <https://balticworlds.com/presidential-election-in-uzbekistan/>
 29. Central'naja izbiratel'naja komissija Respubliki Uzbekistan. Oglasheny itogi vyborov Prezidenta Uzbekistana [The Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan has announced the results of the presidential election in Uzbekistan] // Oficial'nyj veb-sajt Prezidenta Respubliki Uzbekistan. – 2016. – 9 dekabrja. <https://president.uz/ru/lists/view/76>
 30. International Crisis Group. Uzbekistan: In Transition Europe and Central Asia Briefing No. 82. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 29 September. – <https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/uzbekistan/b082-uzbekistan-transition>
 31. Urinboyev, R. and Doğan, E. Navigating the legal uncertainty and informality in authoritarian regimes: legal culture, governance and business environment in Uzbekistan // Central Asian Affairs. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 145–172.
 32. Cooley, A. and Sharman, J.C. Blurring the line between licit and illicit: transnational corruption networks in Central Asia and beyond // Central Asian Survey. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 11–28.
 33. Temishev, K.B. Proschety vo vneshnej politike Kyrgyzstana kak faktory Aprel'skoj revoljucii 2010 goda [Miscalculations in Kyrgyzstan's foreign policy as factors in the April 2010 Revolution] // Vestnik KRSU. – 2019. – Tom 19, № 6. – S. 25–29.
 34. Gullette, D. Institutionalized instability: Factors Leading to the April 2010 Uprising in Kyrgyzstan // Academia.edu. - 2010. – 30 November. - https://www.academia.edu/379904/Institutionalized_instability_Factors_Leading_to_the_April_2010_Uprising_in_Kyrgyzstan
 35. International Crisis Group. Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses: Asia Briefing No. 102. – [Bishkek ; Brussels] : International Crisis Group, 2010. – 27 April. – 19 p. - <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/b102-kyrgyzstan-a-hollow-regime-collapses.pdf>
 36. Nichol, J. The April 2010 coup in Kyrgyzstan: context and implications for U.S. interests // Eastern and Central Europe: Politics and Economics. – New York : Nova Science Publishers, 2012. – P. 89–114.
 37. Doolot, A. and Heathershaw, J. State as resource, mediator and performer: understanding the local and global politics of gold mining in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 93–108.
 38. Anceschi, L. Reinforcing authoritarianism through media control: the case of post-Soviet Turkmenistan // After the Czars and Commissars: Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia / ed. by E. Freedman and R. Shafer. – East Lansing : Michigan State University Press, 2011. – P. 123–145.
 39. Volkov, V., Saryev, O. V Turkmenii vvedeny strozhajshie меры bezopasnosti [Turkmenistan has introduced strict security measures] // Deutsche Welle. – 2006. – 21 dekabrja. <https://www.dw.com/ru/v-turkmenii-vvedeny-strozhajshie-mer-y-bezopasnosti/a-2287612>
 40. Lemon, E. The Political System of Tajikistan // Central Asia in a Multipolar World / ed. by J. Lempp, S. Mayer. – Cham : Springer, 2024. – (Contributions to Political Science).
 41. International Crisis Group. Tajikistan: Early Warning – Internal Pressures, Ex-

ternal Threats: Europe and Central Asia Briefing No. 78. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 11 January. – 19 p. – <https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/tajikistan/b078-tajikistan-early-warning-internal-pressures-external-threats>

42. MOM. Doklad o migraciji v Tadžikistane [IOM. Report on Migration in Tajikistan] / Mezhdunarodnaja organizacija po migraciji. – 2023.

Материал поступил в редакцию 05.03.2026

Утвержден к публикации 18.06.2026